

Радий
ПОГОДИН

***Я догоню вас
на небесах***

Роман, рассказы

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 43

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Погодин Р.

П 43 Я догоню вас на небесах : роман, рассказы / Радий Погодин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 480 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-25724-5

На книгах Радия Петровича Погодина выросло несколько поколений читателей. Его сказки и произведения для подростков — «Утренний берег», «Откуда идут тучи», «Лазоревый петух моего детства» — стали неотъемлемой частью советского детства. Сочинения Погодина неоднократно экранизировались: «Дубравка», «Включите северное сияние», «Шаг с крыши».

К теме войны писатель подошел только в начале 1970-х годов. Фронтовик-разведчик, прошедший Великую Отечественную, получивший ранения, награжденный двумя орденами Славы, двумя орденами Красной Звезды, он хорошо знал, что такое война, и в своих — во многом автобиографических — произведениях ни на шаг не отступил от правды о ней. Особое место в творчестве Погодина занимает роман «Я догоню вас на небесах» — сложный по форме и вместе с тем ранивший простотой и прямотой смыслов. Роман о войне и блокаде, о судьбе человека и поколения. В настоящее издание включены также рассказы, посвященные послевоенному времени — времени шрамов, которыми явно или незримо были отмечены все.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Р. П. Погодин (наследник), 2024

© А. В. Егоров, статья, 2024

© Оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2024

Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25724-5

*Я догоню вас
на небесах*

Я не боюсь смерти. Не боюсь позора. Не боюсь казаться смешным. Я боюсь дня. Боюсь города, где я нищий. Я боюсь нищеты. Город мой неопрытен.

Я просыпаюсь рано. Лежу и боюсь — страх свивается у меня под сердцем во сне.

Начинает говорить радио. О перестройке. О катастрофах. Нынче многие умирают в немыслимых катастрофах. Это лучше — по крайней мере не скучно. Молодых жалко.

Включаю телевизор. Телевидение показывает катастрофы и видеоклипы. Видеоклипы очень похожи на катастрофы.

За окном город. Он на грани истерики. Со всего украдено. От всего откушено.

Мы станем сильными и подлинно великими, когда весь мир пройдет сквозь нас. Мир уже прошел сквозь нас. Оставил холод в наших сердцах.

Я подхожу к окну, чтобы взглянуть на небо, далекое и голубое. Говорят, оно в трещинах.

Старые немыслимые петербуржцы влачат по улицам ампирную мораль и потому, что сами они уже далеко позади греха, тычут ею в лицо молодым. Грех на медном коне обогнал стариков, обскакал орденосцев и комсомол. Дети его догонят и обратят в свою пользу. Старики не пускают детей. Но понимают, что удержать их нельзя. Дети рвутся вперед. Старики пытаются придержать их рассказами о войне.

Ко мне приходит Писатель Пе, мой фронтовой друг. Он приходит не каждый божий день, но все же часто. Он говорит: «Брось думать о небе. Ты же сильный мужик. При стечении обстоятельств мог бы стать кандидатом наук. Радуйся. Мы, старик, весело жили. Мы жили банкетно. Мы видели небо в алмазах. Мы боролись за урожай».

Он говорит уже не так гордо: «Мы, не думай, не виноваты. Не бойся дня».

И я повторяю себе каждое утро: «Не бойся дня. У тебя есть костюм, есть ботинки».

Я надеваю костюм. Я выхожу.

Город мой неопрятен. Голубое небо над головой, говорят, дало трещину. И древние боги заливают мои следы скудным своим половодьем.

— Ой, не ходи ты чужими дорогами, — говорят они мне.

— Да кабы знать, какие дороги наши.

И я иду на войну. И в детство, где я был богат. Под голубое небо, пробитое пулями, но еще не потрескавшееся, как пережженная гербовая эмаль.

Поезд был сформирован в Бологом только до Чудова: запломбированный пульман, цистерна, уголь, зачем-то коровы симментальской породы, осоловевшие от свежего сена, присыпанного отрубями и солью. И пассажирских вагонов два — старорежимные, зимние, с узкими окнами. Пассажиры — в основном женщины с ребятишками-школьниками. В основном ленинградки. И мужчин трое. Средних лет полувоенный с лобастым мальчиком-крепышом. Путеец высокого ранга, осанистый, хорошо выбритый, с той отмытой кожей, которая бывает у людей, привыкших высыпаться и пользоваться парфюмерией. Путеец вез девочку лет четырех. Третий — парнишка шестнадца-

ти лет, у которого ничего не было, кроме мучительной способности краснеть.

На станции Дубцы поезд стал. Серый от бессонницы машинист сказал, вернувшись из станционного зданьца, что откатит в Малую Вишеру: мост через Волхов разбомбили, в Чудово вот-вот войдут немцы. Кто-то из женщин его осадил: мол, насчет немцев в Чудове — вражеская пропаганда — за такое в висок получить можно.

Машинист посерел еще больше.

Полувоенный подтолкнул вперед своего лобастого сына, и они зашагали по шпалам. Брюки у них были подвернуты, заплечные мешки хорошо подогнаны. За ними потянулись женщины с кошелками и узлами. Поначалу их мотало от рельса к рельсу. Они дергали своих ребят — получалось, что ребята специально путаются у них под ногами. Потом движение наладилось.

Был август сорок первого года. Бубенчики льна звенели по Волхову.

Парнишка шел в Ленинград. Там у него была мать. Там у него был дом.

Станет этот парнишка солдатом — сержантом. Закончит войну в Берлине. В орденах и медалях, шрамах от ран, с заиканием от контузии. А на тот августовский теплый день он еще ни выстрелов не слышал, ни смерти не видел.

В первые дни войны, как и все его одноклассники, двинулся тот парнишка в военкомат, но был унижен и оскорблен черствостью военных чиновников, не желавших знать, что право на героизм — неотъемлемое право советского человека. Потом решил, если уж не суждено ему участвовать в быстром разгроме фашистской силы, поехать на лето в деревню.

Оттуда он и возвращался, полный нервного страха, рожденного словами и образами, вдруг потерявшими

смысл. Иногда он повторял про себя: «Осоавиахим», «Ворошиловский стрелок», «Броня крепка, и танки наши быстры». Не наполняя эти слова иронией, он как бы ощущал их и, оцупав, клал на место.

Парнишка помахал машинисту рукой, и машинист ему помахал в ответ. Поезд пятился неуверенно, словно в туфлях без задника. Но вот фукнул паром в черный песок и пошел, набирая скорость. И, уже порядочно откатившись, машинист дал гудок, прощаясь с ними, решившимися на неведомое.

Люди шли по шпалам. Женщины в пестрых платьях. С ними ребята. Собственно, ребята и послужили причиной этого похода. Родители вывозили их из деревень, куда отправили еще до объявления войны. И путеец ездил за своей девочкой в деревню — наверное, жена его была деревенская. Сам-то из инженерской семьи, может быть из профессорской, — наверное, тоже профессор.

Девочка прыгала со шпалы на шпалу и вскоре устала. Путеец посадил ее себе на плечи. Девочка закрывала ему глаза и смеялась. Он улыбался и целовал ей ладошки.

Парнишка замыкал шествие. Шел трудно. Ноги у него болели. Руки болели.

Из деревни в Бологое он отправился лесом. В лесном озере решил искупаться: когда ему еще так придется — поплавать в лесном озере, зеленом и прозрачном, как леденец.

Где-то посередине озера у него свело ноги. Сразу обе. Он бы не выплыл и утонул бы — исчез в безгласном лесу, видя все вокруг черным, захлебываясь и хрипя, позабыв о кролях и брассах. Но вдруг почувствовал, что стоит на чем-то непрочном.

Пообвыкнув, он осторожно окунулся, пытаясь под водой размять окаменевшие икры и пальцы ног, на-

ползшие один на другой. Выпрямился вздохнуть — услышал шум автомобильного двигателя. Малоезженной лесной дорогой шла полуторка. Он закричал. Замахал руками. Полуторка остановилась. «Быстрее!» — велели ему. Но быстрее он не мог: «Судорога у меня!» Но все же поплыл, не шевеля ногами, приныривая, чтобы удержать тело в горизонтальности.

К нему саженками подмахал мужик, тот самый — полувоенный, который шел сейчас впереди всех со своим лобастым крепышом сыном. Мужик подтолкнул его разок-другой. И помог встать, когда он выполз на берег. И помог в машину залезть. В кузове, уже на ходу, они оба оделись. Вот тогда старуха в белом платочке, завязанном под маленьким сморщенным подбородком, сказала: «Сейчас купаться нельзя. Судорога вся от тяжелых мыслей. Она в голове...»

Парнишку подташнивало. Ломило икры. А парнишка думал, что было бы даже смешно вот так утонуть в начале войны в пустом лесу, когда немец прет к Ленинграду. Парнишка негодовал. И от негодования у него дрожал подбородок и отсыревал нос. Сердце внезапно падало, он всхрапывал — это было рыдание, освобождение от смертельной тоски.

Впоследствии лесное озеро настойчиво возвращало его память к своему неподвижному мягкому блеску, к своей тишине, тоже мягкой и мягко-прохладной. Парнишка уверился, что он один жил тогда в озере — плавал и дышал, остальное все оцепенело в ожидании решения, жить ему или нет, и, когда решение вышло положительным, кто-то, может быть души уже ушедших, подставили ему под ноги свои плечи.

Путеец иногда прыгал через шпалу, а то и через две. Девочка тогда смеялась. Слушая ее смех, парнишка стал согреться. И в голове его стали возникать героические картины его будущих подвигов.

Самолет вынырнул из-за леса. Что летит немец, все поняли сразу. Но стояли, смотрели в оторопи и любопытстве к летательному аппарату и к летчику. Что им бояться, бабам? Видно же сверху, какое их войско ситцевое.

Самолет пошел низко над железной дорогой. Отделяясь от свистящего рева пропеллера, отчетливо и капризно застучал пулемет.

Пули расшвыривали щебенку, отрывали от шпал щепу. Этот смертельный пунктир надвигался. Женщины завизжали, бросились врассыпную, подхватив детей. Они падали, зарывались в высокие травы, вскакивали, кричали своим ребятам, чтобы те головы не высовывали. Ребята вели себя проще и собраннее.

Самолет прошел над парнишкой — грохот, взвихренный воздух, кресты. Парнишка даже не испугался, только рот открыл. Самолет ушел в перспективу и взмыл вверх.

В двух шагах от парнишки стоял путеец. Девочки на его плечах не было. Она лежала на шпалах. На правом боку. Руки прижимала к груди. Ноги ее слегка согнулись в коленях и скосолапились трогательно, как у всех малышей, когда они спят. Лицо было тихим.

Потом парнишка все думал, почему не прочитывалась на ее лице боль. И, только став взрослым понял, что ткани ее лица, никогда не знавшие страха, еще какое-то время жили и, отъединенные от сознания, успокоились, возвратились к привычному безмятежному состоянию, к состоянию счастья и радости, любви и тепла. Девочка лежала, как бы ожидая, что ее накроют мягким одеялом и поцелуют на ночь. И завтра все будет снова ярко и чудесно.

У парнишки в голове было черно. Ему хотелось пасть на колени от какого-то всеохватного стыда. Летчиков парнишка ставил превыше всего — летчики начинали двадцатый век. У него отчим был летчик.

Мыслей в голове у парнишки не было, только тоска.

«Он же летчик, — бормотал парнишка. — Как он мог — он же летчик...» — но эти слова нельзя было назвать словами, они уже не имели смысла. Смыслы рушились, как дома, как мосты, как храмы.

Подошли женщины с ребятишками. Они окружили путейца и его дочь разноцветным венком. Дети стояли рядом с матерями. И не плакал никто. А война, еще не осознанная как безумие, вдруг осозналась. Вдруг осмыслилась. И у всех заострились черты.

Солдаты в серых шинелях лежат на озимом поле. Вокруг ростки, миллионы зеленых лучиков. Солдаты похожи на не пропаханные плугом кочки, на плешины, куда не легло зерно. Эта картина будет для парнишки впоследствии как бы символом смерти на войне, ее безмерности — поле до горизонта, и на нем все кочки, кочки... Но долго эта картина не держится, ее взрывает яркий августовский день сорок первого года. Девочка, скосолопив ножки, лежит на прогретых бурых шпалах. Девочка заслоняет все видения солдата. И голос ее обезумевшего отца заглушает все голоса: «Анечка... Анечка...»

А парнишка тот — я.

Часть, в которой служил Сержант — будем его покамест так называть, — шла на Потсдам через Михендорф и Потсдамский лес. Сержант по причинам разведки мчал на машине по другому шоссе вдоль узкого Тельгов-канала, торопился в свою бригаду, чтобы вместе со всеми, а может, и впереди других, попасть в этот город среди озер.

Сержант попадет в Потсдам, попадет, но в тот день он попал в окружение.

Остатки батальонов Девятой армии фюрера и просто одинокие немецкие солдаты, позабывшие номера

и названия своих частей, отупевшие от бессонницы и отступления, заросшие грязью и злым волосом, стремились уйти за Эльбу.

В небольшом поселке в одну улицу — домов тридцать и все розовые, с красными черепичными крышами, — сгрудились пять «тридцатьчетверок», батарея гаубиц и бронетранспортер Сержанта — семь человек, включая водителя.

Поселок, названия которого Сержант так и не узнал, был зажат между кряжами, поросшими сосновым лесом, не подсочным, тонкоствольным, будто подстриженным, но матерым, кондовым — сосна к сосне, все красавицы.

На выезде из поселка «тридцатьчетверки» встретились с отступающей немецкой колонной, подбили три сине-черных «бенца» с радиаторами, похожими на кулаки. Техника, шедшая за «бенцами», попятилась, покатила в объезд, но пехота, усталая, злая и отупелая, пошла кряжами. С улицы поселка было видно, как она идет, — каждый солдат по отдельности. Каждый сам себе и оружие, и машина, и человек, полумертвый, отказавшийся от всех иллюзий.

Там, за Эльбой, он поднимет руки. Смотреть в глаза американцам, подняв руки над головой, ему будет все же полегче, можно сказать — совсем легко: американцеву маму не расстреливали, американцеву сестру не угоняли, американцева меньшого брата не били по голове.

Танкисты сразу же заперли входы в поселок: три танка в одном конце улицы, два танка в другом.

Капитан-танкист сказал молодому лейтенанту-артиллеристу:

— Поставь по две гаубицы позади нас, чтобы нам хвосты фаустами не подпалили. Да не стреляй, слушай, по ним — не воюй.

Сержант такую просьбу капитана мысленно одобрил: пока немцы уходят каждый сам по себе — не страшно, но разозли их, они тут же организуются, немцы это делают быстро — айн, цвай, драй! Сойдут с кряжей — и амба: пехоты в поселке — семь разведчиков.

— А ты, Сержант, — сказал капитан, — ты, наоборот, постреливай. Стань в теньке, чтобы все видеть и слышать. Ты у нас основная живая сила. Так что постреливай. Пусть помнят — спускаться сюда не надо. Конец войне не тут, конец войне там. В Берлине...

Берлин и «конец войне» были недалеко — за лесом, за озерами и плотинами, за поселками Николае-Зее, Целендорф, Лихтерфельде, маленькими и уютными, как ленинградская Стрельна. В той стороне, в небе, висела серая шапка пыли и копоти. Берлин гудел тысячами непримиримых звуков: криками атакующих рот, пулеметными очередями, ржанием лошадей — грохотом тротиловых ниагар.

Вот такая была дислокация.

Воевал в экипаже Сержанта Писатель Пе, тоже сержант. Парень смелый. По военной необходимости излишне вежливый. Но можно, наверное, так сказать — вежливо-незастенчивый. Имя у него было Валерий.

Когда в роту приехал майор из газеты писать очерк о разведчике, ему отрядили Валерия. Валерий майору рассказывать отказался, объяснил необидно, что сам имеет намерение стать писателем.

Майор посоветовал ему, с чего нужно начать: мол, с уважения к старшим и к чистой бумаге.

Теперь о певице по имени Розита Сирано.

Была у немцев такая певица, модная, как у нас Изабелла Юрьева.

Возил Писатель Пе маленький патефончик и, когда позволяла обстановка, слушал Розиту Сирано. Представлялась она ему в черных чулках и страуси-

ных перьях — в этакой белой пене. Вокруг нее мужчины с тросточками, в тесных пиджаках, в канотье. И не вскипало у него к немецкой певице никакой неприязни, хотя, прямо скажем, была она ему чужая насквозь.

— Пойду пройдуся, — говорит этот Писатель Пе. — Может, пластиночка новая попадетя.

— Ты понимаешь, что мы в окружении? — спросил Сержант.

— Тут все насквозь — если что, за мной дело не станет.

Ударила гаубица резко да еще с каким-то шлепком, это она подпрыгнула от выстрела на асфальте. Запахло горелой расческой. Не выдержал молодой лейтенант — пальнул.

Сержант подумал, подумал да и отправился с Писателем Пе — надо же осмотреть поселок. Может быть, воевать придется, если молодой лейтенант не возьмет себя в руки.

По краям над поселком шли немцы. По сосновому бору. Сержант чувствовал их движение, упорное и глухое, как будто шел по лесу пожар без пламени и без дыма.

Солнце почти вплотную придвинулось к земле.

Перед домиками чернели тюльпаны.

— Зайдем сюда, — предложил Писатель.

Домик, им выбранный, отличался от других домиков окнами. Окна у него разные: и стрельчатые, и прямые, и круглые. Они придавали домику веселый пристальный вид, будто не Сержант рассматривал его, а он, домик, рассматривал Сержанта и находил его нестрашным. Но распотешил Сержанта цоколь, украшенный осколками чайной посуды с цветами и птичками. Осколки были вмазаны по всему цоколю, уплотняясь и укрупняясь к углам: там сияли половинки и даже целые блюдца.

Соседние дома — такие же двухэтажные, с дорожками из перекаленного, положенного на ребро кирпича, с белыми рамами и кустами бульдонежа, не подступающего близко к стенам, чтобы не заводилась на стенах сырость, — тоже были аккуратно сработаны, но не было в них проникающей во все детали согретости и умильной колыбельности, такой, будто дом накрыт кружевами, и облака над ним не простые, но тюлевые.

Сержант покуривал, дожидаясь Писателя Пе с пластинкой Розиты Сирано, на которой будет изображена белая собака, слушающая граммофон, и улыбался фарфоровой выдумке. Был в ней какой-то детский подход к красоте, хотя, если подумать, желание Бога — есть детское желание прижаться к маме.

И захотелось Сержанту пить.

Сержант поправил автомат, приспособленный для стрельбы с ремня, поднялся на крыльцо неспешно и, нажав изогнутую кованую ручку с шаром-противовесом, потянул дверь на себя. Дверь пошла тяжело и бесшумно, выпуская на Сержанта мыльный запах тревоги и ожидания беды.

В чистой намастиченной прихожей у стрельчатого окна на подставочке стоял горшок с бегонией, похожей на вислоухого пса.

Из прихожей внутрь дома вели три двери и лестница наверх. Наверху Писатель Пе перебирал грампластинки. Одна из дверей, правая от входа, вела в подвал — жители во всех домах ютились в подвалах, побеленных и обставленных для ночлега.

Сержант прошел на кухню. Из водопровода вода не текла, но кран был начищен. Все было вымыто, выскоблено. Но не было мужика в этом доме, такого старательного и умелого, — в стене у двери, ведущей во двор, торчал согнутый гвоздь. Забивали его зло, гвоздь

согнулся, его так и оставили, не зная, что делать, как его выпрямить, не вытаскивая, и вытаскивать не желая — нужен был этот гвоздь, — наверно, натягивали в кухне веревку для просушивания пеленок в дождливые дни.

Сержант зачерпнул ковшиком воды из ведра — эмалированного, с крышкой. На столе стояли маленькие кастрюльки, в каких варят малышам манку и кипятят молоко. Сержант отодвинулся от стола.

Услыхав какие-то звуки, Сержант вышел в прихожую.

У двери в подвал стоял немец-солдат в грязной шинели, с лицом веснушчатым, плоским и светлоглазым. Впалость щек, и щетина, и воспаленные веки — особенно дрожание губ — придавали ему вид помешанного. Он собирался с силами, чтобы открыть дверь в подвал, — поднимал руку и вновь опускал ее. Страшно было ему. Страшно не за себя. Сержант сразу понял, что это хозяин — вирт, — война сделала Сержантово сердце понятливым. Понял Сержант, что привело этого некрасивого плосколицего немца сюда, к этой двери в подвал, — там сейчас была та, кого он любил, может быть, больше жизни. Но понимал Сержант, что не надо было немцу это делать, надо было идти войной, не сворачивая к дому своему...

Немец увидел Сержанта. Пальцы его сжались в кулак до побеления в суставах. Губы, вмиг загрубевшие, растянулись в оскале. Винтовка у него была закинута за спину, у Сержанта автомат на ремне, ладонь на шейке приклада, палец на спусковом крючке. Но, наверно, не было в его лице надлежащей суровости — кулаки у немца ослабли, оскал преобразовался в улыбку, и в улыбке этой была то ли просьба, то ли согласие.

— Вирт, — сказал Сержант. — Хозяин?

— Яволь. — Улыбка немцева стала растерянной, он забормотал шепотом: — Кинд... Беби... — А сам все тряс ручку двери...

Сержант левой рукой распахнул дверь в подвал.

— Гее! — сказал.

В темноту, в восковой свет свечи, вела крутая лестница.

Сержант отступил на шаг, закинул автомат за спину и кивнул немцу: ступай, мол, я тебя тут дождусь.

Улыбка немца стала смущенной, даже униженной. Он шагнул вниз, неуклюже и тяжело, — наверное, нога у него была ранена, — стал спускаться. Шинель нараспашку делала его бесформенным и громадным в свете свечи.

Скорее всего тем, внизу, он показался зверем. Выстрел прозвучал сухой и негромкий, как шлепок мухобойки. Стреляли из маленького револьвера, наверное даже никелированного. Стреляла женщина — мужик, какой ни на есть, пальнул бы из двустволки или армейского оружия. Оружием Германия была завалена.

Солдат постоял секунду, схватился за живот обеими руками, подогнул голову и покатился по лестнице, громыхая винтовкой.

Сержант прикрыл дверь. Вышел на крыльцо. Шар солнца коснулся земли.

Вслед за Сержантом вышел на крыльцо Писатель Пе с пластинкой.

— У нас такая Розита есть, зашарканная. А эта, гляди, новая. — Он вынул пластинку из конверта и, заслонившись ею и щурясь, посмотрел на солнце, запалившее лес над поселком. Он ничего не знал о пришедшем домой хозяине. Потом он сунул пластинку в конверт и сказал: — У меня чувство, что она померла. Погибла в бомбежке...

Еще раз резко ударила гаубица — что-то почудилось молодому лейтенанту-артиллеристу в разливах закатного пламени. Короткими очередями отозвались пулеметы Сержантовой машины.

Ночью поток отступающих немцев иссяк.

Утром Сержант уже воевал в Потсдаме. Правда, войной это можно было назвать условно, поскольку Сержанту было велено от боя не уклоняться, но стрелять выше кустов.

— Понял? — спросил его генерал, командир части, именно он дал Сержанту такой приказ. — Ты ленинградец, ты понять обязан. Представь себе Петергоф. Довоенный, конечно. Это похоже. Парк прекрасный. За кустами мраморные Артемиды. Они хрупкие.

— Так точно, — ответил Сержант. — Понял. Немцы, если они там окажутся, будут стараться нас ухлопать, а мы в ответ будем весело палить в небо.

— Зачем весело — пали грустно...

А приказано было Сержанту прочесать королевский парк Сан-Суси.

Немцев в парке не оказалось ни военных, ни штатских — только солнце в регулярных аллеях с подстриженными кустами, чистые стекла оранжерей да девы белого мрамора.

Одноэтажный дворец Сан-Суси, который дал свое имя всему ансамблю, тоже был пуст. В золотистых залах лежали горы летней дешевой детской и женской обуви — наверное, нечем было прикрыть драгоценный паркет от ужасных русских фугасов.

Не было на стенах ни шпалер, ни картин, и это было красиво — ничем не заслоненное рококо — из залы в залу, как ленты кружев.

Сержант действительно вспомнил довоенный Петергоф — военного ему увидеть не довелось — и по ка-

кой-то сложной ассоциации тот розовый домик с фарфоровым цоколем. Услыхал он свистящее хриплое дыхание немца-солдата, стук его тяжелой винтовки, упавшей к ногам жены, и песню Розиты Сирано, роскошно-доступную, как харч в дорогом ресторане.

Сержантом тем был я.

Писатель Пе с этим домиком меня, конечно, определил: вставил его в какую-то свою абсурдистскую повесть — этот домик кому-то там снится. Он снится только нам — нам обоим.

Приходит однажды Писатель Пе — на груди галстук в косую полоску, брюки наглаженные, сам причесанный. Глаза удивленные, как у собаки, которой вместо каши с мясом дают компот.

— Неуютно мне, — говорит. — Надысь побывал я у студенток в библиотечном институте. Изжога...

— И что студентки?

— Молчат. Это тебе не университетский филфак. Слушай, у студенток филфака зубы в три ряда. Трехрядная гармошка. Хромка. Баян. А тут студентки тихие. Сидят, как пугливые птички. Но есть и крупные. В библиотечном институте чем крупнее студентка, тем больше она знает. Детерминанта у них, понимаешь, рост. Опора!

— Что значит «опора»?

— Слово. Слово было в начале — поэтому в жизни так много слов. Слово было лишь в самом начале — поэтому нужные слова позабылись. Слово в тебе самом. Надежды развеются, любовь пройдет — останется слово. Умирать будешь наедине с собой. Говорить только сам с собой. Если даже твои слова будут обращены ко всем. Если хочешь понравиться людям, иди к ним с вымытой головой.

Писателю Пе нечего мне сказать. Когда он приходит ко мне, у его совести всегда вид отсутствующий. Помолчав, он восклицает громко и жизнерадостно:

— А как твое здоровье, старик? Надеюсь, тебя не очень беспокоит грыжа?

Говорю:

— Ее у меня никогда не было.

— Никогда... Так это же хорошо. Ты мне пивка не нальешь?

Я выставил бутылку пива. Писатель Пе набросился. Я выставил вторую. Писатель Пе закинул ногу на ногу. Для своего способа жить он изобрел метод трагического оптимизма, и сейчас, выпив пива, изображает ангела, выпорхнувшего из химчистки.

Я же представил себе дело так: приходит Писатель Пе в хорошем костюме к студенткам, читает им что-то не совсем готовое, не понимает, брат, что студенток нужно смешить, потом говорит им экспромтом, что вовсе не глаза, а наши вопросы есть зеркало нашей души. «Поспрашивайте, — говорит, — меня. Не стесняйтесь».

Студентки тихо разглядывают маникюр, тихо жалеют Писателя Пе и тихо дышат, гадая, кто же, кто встанет и, принеся себя в жертву приличию, задаст вопрос безвкусный, как взбитый белок: «Над чем вы сейчас работаете?»

Наконец этот вопрос произнесен. Писатель Пе дает невразумительный ответ.

Букет улыбок. Лукавство в глазках. Все довольны тем, что встреча кончилась. Писателя ведут на кафедру пить чай.

Но оказывается, было все не так.

Сразу поднялась крупная студентка Мария. Активистка.

РАДИЙ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН
Я ДОГОНЮ ВАС НА НЕБЕСАХ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Людмила Дубовая, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.07.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

A-VAK-34698-01-R